

Философ и общественная позиция Роберт Шпеман (1927–2018)

Владимир Миронов

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук
Декан, философский факультет, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Адрес: Ленинские горы, МГУ, ГСП.1, учебный корпус «Шуваловский»,
философский факультет, Москва, Российская Федерация 119991
E-mail: vlamironov@yandex.ru

Дагмар Миронова

Кандидат философских наук, доцент, факультет политологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: Ленинские горы, МГУ, ГСП.1, учебный корпус «Шуваловский»,
факультет политологии, Москва, Российская Федерация 119991
E-mail: dagmar@mail.ru

Статья написана в связи со смертью немецкого философа Роберта Шпемана и представляет собой своеобразный философский некролог, в котором подводятся некоторые итоги жизни философа, как чисто теоретические, так и связанные с позицией Шпемана как гражданина. В Германии его философию относили к так называемой школе Риттера, хотя на его взгляды оказал сильное влияние и Г.-Г. Гадамер, последователем которого ученый стал, работая в Гейдельбергском университете. Многие его работы были выполнены на стыке этики и политической философии, и в этой области одной из его любимых тем была тема человеческого достоинства: человек принадлежит к человеческому роду, и этим определяются базовые ценности его существования. Отсюда вытекает отношение Шпемана к ценности самой жизни как таковой и отрицательное отношение к самоубийству и эвтаназии как способам сознательного ухода из жизни. В последние годы он занимался философским анализом и критикой новой системы европейских ценностей, которая оторвалась от ценностей национальных, прежде всего религиозных. В связи с этим он критиковал политическую власть за то, что она не опирается на моральные принципы.

Ключевые слова: Роберт Шпеман, человек, жизнь, естественная смерть, эвтаназия, религия, мультикультурализм, Европа

10 декабря 2018 года ушел из жизни известный немецкий философ Роберт Шпеман. Его труды были переведены на четырнадцать языков. Он был награжден орденом за заслуги перед Федеративной Республикой Германия, премией Карла Ясперса, Баварским орденом Максимилиана за достижения в науке и искусстве. В настоящее время готовится собрание его сочинений в издательстве «Klett-Cotta», с ко-

© Миронов В. В., 2019

© Миронова Д. В. Г., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-282-294

торым он сотрудничал в течение нескольких десятилетий, и первый том должен выйти уже весной этого года.

Это был мыслитель с очень широким диапазоном философских интересов, от политической философии до социологии, но все они преломлялись в его творчестве через этическую проблематику. Перед нами своеобразный вариант этической социологии, на формирование которой во многом повлияло то, что Шпеман был человеком весьма религиозным, и его иногда называли даже католическим философом. Сам его приход к католической вере был несколько необычен. Мать была профессиональной танцовщицей, отец долгое время был редактором культурного отдела журнала «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический ежемесячник») в Берлине. Когда ему было три года, вся семья принимает католичество и переезжает в Мюнстер, город, в котором был заключен Вестфальский мир, определивший европейские порядки на века вперед. После смерти матери Шпемана, католичество становится для его отца главным жизненным ориентиром, и в 1942 году тот становится священником. Как вспоминал в своей замечательной автобиографии сам Шпеман (Spraemann, 2012), статус отца как священника позволил ему не выполнять некоторые ритуалы гитлеровской Германии и не петь антисемитских песен. Позже он напишет известную работу «Рациональность и вера в Бога» (Samman, 2012), где подробно исследует проблему соотношения рациональности и веры, рассматривая понятие Бога как основание для фундаментальной рациональности и фундаментальной онтологии. Понятие добра, на котором базируется вера, более фундаментально, чем понятие зла, которое может лежать в основании в том числе и научного освоения мира.

Эти жизненные обстоятельства, безусловно, оказали влияние на этическую составляющую будущего творчества философа; к этому добавилось его увлечение марксизмом, а также деятельность кружка Йоахима Риттера, где он общался с Германом Люббе, с которым всю жизнь затем поддерживал дружеские отношения. Шпеман родился 5 мая 1927 года, то есть того же числа, когда родился Карл Маркс, и в том же году, что и близкий философу впоследствии папа Бенедикт; любопытно, что марксизм и теология стали полюсами его творчества.

Мы познакомились с ним в 1993 году, когда в нашей стране происходили кардинальные изменения и было неясно, в каком направлении пойдет развитие в том числе и философского образования. В том году в ИФ РАН под угрозой срыва оказались лекции целой группы известных немецких профессоров, которые должны были приехать в Москву при участии Московского представительства фонда им. К. Аденауэра, и философский факультет МГУ любезно «подставил плечо», взяв на себя организацию этих лекций. В Москву один за другим приехали философы и политологи Х.-М. Баумгартнер, граф П. фон Кильманнсегг, Г. Люббе, Й. Изензее, сам Р. Шпеман. Лекции вызвали тогда небывалый интерес и проходили в переполненном зале. Шпеман прочитал несколько лекций, и одна из них, «Являются ли „естественно“ и „неестественно“ морально релевантными понятиями?», была опубликована в русском переводе (Шпеман, 1993).

Шпеман учился в университетах Мюнстера, Мюнхена, Фрейбурга и Парижа по специальностям «философия», «история», «теология» и «романистика». В 1952 году он защитил свою первую докторскую диссертацию, а в 1962 году — вторую. В Германии его причисляют к так называемой школе Риттера, хотя, по словам самого ученого, это был скорее «круг друзей, которые всегда проявляли совместный интерес к некоторым вопросам фактического характера и которые, возможно, в большей степени, нежели идейно близкая им школа Гадамера, серьезно относились к политическому как к философски релевантному» (Leggewie, 1987: 154). В области философии политики данная школа выражала левоконсервативную позицию. До 1968 года Шпеман был профессором философии в университете Штутгарта, затем, в 1969–1972 годах, занимал, после Гадамера, кафедру в Гейдельберге, а далее вплоть до ухода на пенсию работал в Мюнхенском университете. Шпеман был внештатным профессором университета Зальцбурга, гостевым профессором Сорбонны и университета Рио-де-Жанейро.

Наряду с проблемами истории философии Шпеман занимался проблемами этики и политической философии. Это достаточно редкий случай: Шпеман, известный академический философ, буквально до конца своей жизни принимал весьма активное участие в общественных дискуссиях по поводу самых различных проблем современности, отстаивая собственную точку зрения, которая часто могла не совпадать с доминирующим направлением общественно-политической мысли. Ключевая из этих проблем — защита человеческой жизни, причём на всем ее протяжении, от развития младенца в утробе матери до момента ухода человека из жизни. Это также вопросы прав человека и его достоинства, проблемы этики во взаимодействии человека и животных. Шпеман был приверженцем естественного права, исследовал вопросы веры в Бога и их актуальность в современном мире. Он опубликовал множество работ, посвященных сущности жизни и её ценности, и его позиция четко выразилась в ходе дискуссий по поводу законопроекта об эвтаназии, развернувшихся по всей Германии. Шпеман исходил из того, что человеческая жизнь — это высшая ценность, поэтому она должна защищаться обществом от момента ее начала и до естественного конца. Известна его полемика с Питером Сингером (Singer, 2013)¹, который, будучи ярким защитником прав животных, исходил из того, что моральное действие всегда возможно лишь на основе оценки предпочтений индивида. Он выделяет принцип равенства интересов, но не как равного отношения к индивидам, а как равенства учета интересов каждого. «Сингер является представителем консеквенциалистской этики, полагающей, что критерий нравственности действия заключается во взвешивании вопроса, является ли совокупность его последствий более желательной, нежели совокупность последствий любого возможного альтернативного действия» (Spaemann, 2006a). Основным фактором, который необходимо учитывать при подобном взвешивании, является способность живого существа испытывать страдания, а основной целью

1. Оригинал этой книги Сингера (Peter Singer, «Practical Ethics») вышел в 1979 году.

при выборе действия, таким образом, является минимизация страдания. Так как эта способность есть и у высокоразвитых животных, они тоже должны учитывать-ся как субъекты этической программы. И, напротив, поскольку есть представители биологического вида *homo sapiens*, которые не обладают данной способностью, то и сама принадлежность индивида к человеческому роду не является морально релевантной. Значимым являются лишь такие свойства, как ощущение боли и самосознание. Соответственно, личностями выступают лишь такие существа, которые осознают самих себя в качестве таковых, и к ним не могут быть отнесены ни младенцы, ни люди, находящиеся в состоянии комы.

Шпеман противопоставляет этому аргументу положение о том, что достоинство человека связано исключительно с его принадлежностью к человеческому роду и не зависит от каких-либо временных или постоянных свойств, которыми обладает личность, или же от состояний, в которых та пребывает. В этом он продолжает традицию мыслителей эпохи Просвещения. Рассуждая, например, о самоубийстве и моральном осуждении его в обществе, он указывает, что уже «платоновский Сократ усматривает в жизни задачу, которую не мы сами себе поставили и от которой мы не можем самовольно уклониться. Смысл жизни столь же очевидно задан не нами, как и сама жизнь, и потому не раскрывается нам полностью в какой-то момент жизни» (Spaemann, 2006a). К данной философской традиции порицания самоубийства он также относит Спинозу, Канта и Витгенштейна. Для Канта, в частности, самоубийство связано с тем, что человек перестаёт ощущать себя целью и рассматривает себя лишь как средство, а средство в случае непригодности может самоустраниваться.

Вообще, защита человеческой жизни связана с включенностью человека в некое солидарное сообщество, которое накладывает, в частности, на врачей и близких человека задачу предотвращения его самоубийства.

Данное правовое положение исходит из предпосылки, что самоуничтожение субъекта свободы как таковое иррационально и не является легитимным выражением свободы. Оно предполагает априорный интерес каждого человека к сохранению собственного существования. Поэтому и неверно говорить о праве на самоубийство. Право регулирует человеческое общежитие. Действие, посредством которого кто-либо пытается выйти из сети отношений, связывающей всё живое друг с другом, не может поэтому измеряться мерками, действующими внутри данной сети. Оно не разрешено и не запрещено. Оно происходит вне сферы права. Но все действия или бездействия, которые предотвращают самоубийство человека, содействуют или способствуют ему, имеют место внутри этой сети отношений и подчиняются ее законам. Поэтому из свободного от права пространства самоумерщвления нет пути к какому бы то ни было праву умерщвлять другого или быть умерщвленным другим. (Spaemann, 2006a)

Приверженцы эвтаназии не относят её к убийству как таковому, так как она избавляет человека от смертельной болезни, связанной с неизбежностью смерти,

освобождает его от переживаемой боли, по сути, выступая осуществлением права человека на самоопределение, а потому умерщвление человека по его просьбе есть форма уважения к автономии и свободе воли другого человека. Таким образом, это решение самой личности, стремящейся уйти из жизни, и тот, кто этому способствует, лишь оказывает помощь и обеспечивает достойные условия такого ухода. То есть эвтаназия допустима, если понятны ее мотивы, если их можно рационально обосновать. Однако, возражает Шпеман, такая постановка вопроса несовместима с автономией и свободой выбора, так как человек в такой ситуации не способен объективно оценить критерии желания уйти из жизни. Даже если не относиться к суициду как в принципе иррациональному явлению, то любое выдвижение критериев со стороны другого человека становится моментом ограничения возможности человека существовать.

И если в конечном счете решающим является не самоопределение как таковое, а рациональность желания умереть, решение о чем могут принимать и другие, почему тогда, — зададут следующий вопрос некоторые сторонники эвтаназии, — другие, в случае неспособности кандидата на смерть к самоопределению, не должны, на основе «верно понятого интереса» вместо него решать вопрос его жизни? Тем самым задан переход от умерщвления по требованию к уничтожению недостойной жизни без требования... (Spraemann, 2006a)

Шпеман неоднократно указывает со ссылкой на фильм «Я обвиняю», снятый по поручению Геббельса, что именно с таких исходных посылок началась эвтаназия при нацизме.

Шпеман, разумеется, учитывает успехи современной медицины и ее возможности сохранить жизнь при помощи медицинского оборудования. «Старое правило профессиональной этики, что врач всегда должен сделать все, чтобы предотвратить смерть человека — а это всегда может только означать: отодвигать её, — становится проблематичным, когда это умение достигает определенного уровня» (Spraemann, 2006b: 80). Поэтому, выступая против эвтаназии, следует искать разумный выход. Шпеман считает, что уход из жизни в Германии стал недостойным, все чаще это происходит в местах, изначально просто не предназначенных для подобных целей, а именно в больницах, целью которых является борьба за продление жизни, даже с заранее известным конечным результатом. Соответственно, растет и число тех людей, которые никогда не видели, как умирает человек, и которые поэтому испытывают страх перед смертью и разучились разумно обращаться с такими событиями в жизни окружающих людей и своих близких. Поэтому многие люди не имеют возможности умирать спокойно своей смертью в домашних условиях. Как ни страшно это звучит, общество разучилось это делать, предоставив сопровождение столь печального события неким институциям. И такая ситуация отражает доминирующие социальные установки современного общества, которое готово обеспечить получение удовольствия в самых разнообразных формах, но

разучилось сострадать другому и уметь это сострадание переживать вместе с человеком, прощающим с жизнью. Этот пласт жизни человека, пусть и на стадии её завершения, как бы выводится из области общественного внимания или осознания. Общество перестает «обучать» умению расставания с близкими, что когда-то было вполне естественным для него. Вырастают целые поколения, которые психологически не готовы к принятию смерти как естественного явления.

Такая позиция Шпемана вызвала острую критику со стороны приверженцев эвтаназии и, в частности, тех организаций, которые занимаются подобной деятельностью. Генеральный секретарь швейцарского союза «ДИГНИТАС — жить с человеческим достоинством — умирать с человеческим достоинством» Людвиг А. Минелли говорит о том, что христианское мышление постоянно приводит к новым несчастьям. Любопытно, что один из его аргументов связан с самим термином «самоубийство» и его коннотациями, термином, который, по мнению Минелли, существует только в германском языковом пространстве, когда в одном слове сочетаются слова «убийство» (*Mord*) и «само» (*selbst*). Это, конечно, не выдерживает никакой критики. Достаточно как минимум указать на слово «самоубийство» в русском языке, которое выстроено таким же образом. По мнению Минелли, понятие самоубийства можно применять лишь к некоторым террористическим актам, когда человек использует убийство самого себя как средство для убийства других. Поэтому он упрекает Шпемана в нарушении политкорректности, то есть в сознательном использовании слова, которое несет в себе совсем иной смысл, тогда как для «для обозначения данного процесса есть распространенное иностранное слово „суицид“, нейтральное слово „самоумерщвление“, скорее идеализирующее выражение „добровольная смерть“. Покажи мне, как ты говоришь, и я скажу тебе, кто ты есть!» (Minelli, 2006: 52).

Второй аргумент сводится к тому, что в силу противоречивого развития медицинской науки «естественной кончины» уже нет, если абстрагироваться от спонтанных смертей в результате несчастных случаев или внезапной остановки сердца. Но количество таких смертей в мире всё время сокращается и сегодня составляет не более одной трети. Таким образом, обвинив Шпемана в нечестной аргументации, сам автор подчеркивает, что, конечно же, юриспруденция и, в частности, решения Европейского суда по правам человека дали достаточно обоснованные разъяснения по всем этим вопросам, поэтому

Первый вопрос, который следовало бы задать, это вопрос, имеет ли человек право или свободу самостоятельно распоряжаться своей жизнью и таким образом определять, когда и как он умрет. Этот вопрос долгое время был только вопросом философии, и можно было бы показать, цитируя именитых авторов, что в течение тысячелетий они высказались в пользу «да» или «нет» по данному вопросу. Шпеман... дает свой ответ *a priori*, так что дальнейшие размышления становятся излишними. В настоящее время, однако, этот вопрос стал и вопросом юриспруденции. (Minelli, 2006: 53)

Соответственно, констатирует он, если бы Европейский суд по правам человека принял соответствующее решение,

относительно спора философов по этой теме оно имело бы действие «*Roma locuta, causa finite*»², во всяком случае в том смысле, что в правовой жизни мнение всех философов и, значит, также и мнение Шпемана стало бы уже не важным. Философии пришлось бы точно так же смириться с подобным решением, как она была вынуждена смириться с политическими и юридическими решениями о допустимости прерывания беременности. И пусть бы она еще предавалась теоретическим ламентациям, практического значения они бы уже не имели. (Minelli, 2006: 54–55)

Изложенный спор об эвтаназии и оказании помощи при самостоятельном добровольном уходе из жизни является лишь одним из примеров участия Шпемана в острых общественных дискуссиях. Можно бы привести и другие примеры, но мы отметим лишь, что философ, несмотря на то, что он придерживается ярко выраженного христианского мировоззрения, в своих философских рассуждениях основывается на рациональных доводах и методах. То есть христианские ценности — это фон, на котором рождаются рационально обоснованные рассуждения по тем или иным проблемам. В этой связи понятно, что Шпеман не является поклонником такого понимания политкорректности, которое в настоящее время охватило весь мир и особенно Европу и трактовка которого стала выступать своеобразным идеологическим оружием борьбы с инакомыслящим человеком. Именно исходя из этого, он считает, что свободы мнения в 1950-е годы прошлого века было больше, чем сейчас. «Даже утверждая, что что-то нельзя сказать, мы это говорим. Но тем не менее я считаю, что политическая корректность действует антипросветительно. Некоторые познания считаются неприемлемыми в обществе, так как из них можно извлекать ложные выводы. Мой коллега Герман Люббе³ как-то определил просвещение как независимость нашей жизненной практики от результатов наших исследований. Исследования не должны больше нести мировоззренческую нагрузку» (Kister, 2012). У современной философии несколько иная задача. Так как, по мнению Шпемана, современное общество страдает тем, что считает все осуществимым и находится в процессе превращения «Вселенной в виртуальный конструктор, задача философии состоит в том, чтобы напомнить о действительности... Я считаю, что современное мышление уже в течение столетий движется в определенном направлении, в конце которого — устранение человека. Некоторые исследователи мозга учат нас, что мы не те, кем мы себя считаем, что мы не являемся

2. «Рим высказался, дело закончилось» — известное латинское изречение, происходящее от начала буллы Римского папы Иннокентия в 416 г., утвердившего решение Карфагенского синода об отлучении от церкви противников блаженного Августина.

3. Герман Люббе, один из тех философов, который также приезжал на философский факультет в 1993 году, о чем мы писали выше, и две статьи которого были размещены в книгах: Люббе, 2005а, 2005б.

свободными существами, и потому у нас и нет ответственности: если мы до этого дойдем, мы отменили человека» (Kister, 2012).

Шпеман высказывался и по другим вопросам современной политики, в частности по вопросу о современных миграционных процессах и проблеме толерантности, выступая противником ложно трактуемой мультикультуралистской модели, навязываемой Европе⁴. Он был одним из подписантов так называемого Парижского заявления «За Европу, в которую мы можем верить». Об этом документе на Западе говорили мало, хотя он был переведен на многие европейские языки и стал, по сути, результатом размышлений десяти крупных европейских философов из разных стран по вопросу о будущем Европы. Авторы манифеста обратили внимание на то, что Европа и Европейский союз — не одно и то же, и выступили за традиционные и настоящие европейские ценности, а не за искусственно сконструированную систему ценностей. Соответственно, они поддержали ценности национальных государств («родины»), традиционные семейные и религиозные ценности, подчеркнули существование национального государства как ценности самой по себе. Этот манифест был направлен против абсолютизации идей мультикультурализма, и главное, против их навязывания посредством политических механизмов регуляции с привлечением возможностей правовой оценки и пр. Они подвергли критике ложное понимание свободы, рост «технократической тирании» (Die Pariser Erklärung, 2017).

Всё это, конечно, не вписывалось в политический мейнстрим. Философы констатируют, что идея неверно понятой Европы стала своего рода эрзац-религией, но если это вариант религии, то она должна оставаться в своих рамках, за пределами политического пространства, в котором могут существовать и иные представления. В этой связи они также обращают внимание на тот факт, что популизм в сфере современной европейской политики формально подвергается резкой критике, и тем не менее в парламентах многих стран легко обнаружить большое количество его представителей, что отражает саму двойственность современных политических установок, которые, как это и принято в политике, достаточно цинично могут выбирать для достижения своей цели любые средства.

Шпеман был философом, который в первую очередь занимался проблемами человека. При этом в своей философской деятельности он использовал именно общепринятые методы научной работы, логические и рациональные аргументы. Его философская деятельность была связана с вызовами, которые появились перед современным обществом. Для его позиции как философа было характерно традиционно критическое отношение к системе власти, или, точнее, к позиции самой философии по отношению к власти и властным структурам. Он считал, что политическая власть в ныне существующем варианте не выступает тем инструментом, который позволяет осуществить на практике идеи моральной философии, идеи гуманизма и нравственности. Не будучи противником современных

4. Дискуссии по данной проблеме в Германии и реализация моделей мультикультурализма были описаны авторами (Миронов, Миронова, 2017).

технологий, он резко выступал против идеи, что они позволят повлиять на жизнь только позитивно, и поэтому был сторонником взвешенного подхода в деле соотнесения технических возможностей и действительности, выступал против бездумного преклонения перед техникой.

Определенным критерием значимости этого человека для Германии стал тот факт, что не просто сообщения о его кончине, но, по сути, целая серия развернутых некрологов вышла в большинстве известных СМИ нынешней Германии, таких, как «Zeit» (Mangold 2018), «Sueddeutsche Zeitung» (Drobinski, 2018), «Berliner Zeitung» (Widmann 2018), «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (Bahners 2018), «Tagespiegel» (Dotzauer 2018), была радиопередача на Deutschlandfunk (Schweidler, Fritz 2018). И это притом, что он в последние годы своей жизни явно не вписывался в мейнстрим официальной политики. Более того, и по случаю его 90-летия вышла целая серия статей. Кажется, в воздухе «витают» критический и протестный дух, связанный с определенным кризисом самой идеи Единой Европы, проблем миграции, кризиса христианства, а Шпеман как философ всегда был таким мыслителем, который мог идти против общепринятого мнения.

Ценность жизни как таковой стояла в центре интеллектуальных протестов ученого. Это и раннее его выступление против атомной энергетики, которая неизбежно угрожает именно жизни. Это и неожиданное для многих осуждение студенческих выступлений 1968 года как проявления агрессии, а значит, также угрозы жизни. Это и его стойкое неприятие даже не самого гомосексуализма, а разрешения таким семьям иметь детей и воспитывать их, деформируя сознание человека; это и неприятие им аборт, которые, с его позиции, прерывают естественную жизнь, притом что в современных условиях достаточно средств, чтобы данная проблема не возникала. Он часто повторял мысль о том, что необходимо жить против течения, думать против общей тенденции — только так человек может сохранить свою свободу. Или мысль о том, что одно дело следовать законам, что необходимо в обществе, и совсем иное — признавать ценностный порядок в качестве некоей парадигмы политкорректности, против чего он решительно выступал всегда. «Что является нашими ценностями — спорно, хотя давление политкорректности становится все более угрожающим» (Kaube, 2017). Без сомнения, в его лице философия потеряла крупного мыслителя, который высшей ценностью считал жизнь, и человека прежде всего как существа живущего.

Литература

- Люббе Г. (2005а). Право оставаться иным. К философии регионализма // Политическая философия в Германии / Пер. с нем. Д. Мироновой, С. Погорельской. М.: Современные тетради. С. 53–61.
- Люббе Г. (2005б). Что такое народ? Новая актуальность права на самоопределение (из книги «Прощание с супергосударством») // Политическая философия в Гер-

- мании / Пер. с нем. Д. Мироновой, С. Погорельской. М.: Современные тетради. С. 102–109.
- Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. (2017). Мультикультурализм: толерантность или признание // Вопросы философии. № 6. С. 16–28.
- Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. (2018). Добродетельный террор, или Кто определяет границы свободы слова (размышляя над книгами Тило Саррацина) // Этическая мысль. Т. 18. № 2. С. 99–115.
- Шпеман Р. (1993). Являются ли «естественно» и «неестественно» морально релевантными понятиями? / Пер. с нем. Д. Мироновой // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. № 4. С. 75–85.
- Bahners P. (2018). Individualist aus dem Unterholz. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/individualist-aus-dem-unterholz-zum-tode-des-philosophen-robert-spaemann-15936731.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- Camman A. (2012). Philosoph Robert Spaemann: «Ich war ein Chaot» // Die Zeit. № 19. URL: <https://www.zeit.de/2012/19/Philosoph-Spaemann> (дата доступа: 12.02.2019).
- Die Pariser Erklärung: Ein Europa, wo(ran) wir glauben können. 07. Oktober 2017. URL: <https://thetrueeurope.eu/die-pariser-erklarung/> (дата доступа: 12.02.2019).
- Dotzauer G. (2018). Die Taube in der Hand Gottesglaube als Denkvorteil: zum Tod des Philosophen Robert Spaemann. URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/nachruf-robert-spaemann-die-taube-in-der-hand/23747718.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- Drobinski M. (2018). Zum Tod von Robert Spaemann: Einer, der sich der Welt nicht anpasste. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/robert-spaemann-nachruf-philosoph-1.4248388> (дата доступа: 12.02.2019).
- Kaube J. (2017). Das Beste haben wir nicht selbst gemacht. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/geisteswissenschaften/philosoph-robert-spaemann-wird-neunzig-15000473.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- Kister S. (2012). Die Menschheit schafft sich ab: Interview mit Robert Spaemann. URL: <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.interview-mit-robert-spaemann-die-menschheit-schafft-sich-ab.c1da03af-5f81-420c-98fo-a771412f494e.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- Leggewie C. (1987). Der Geist steht rechts: Ausflüge in die Denkfabriken der Wende. Berlin: Rotbuch.
- Mangold I. (2018). Zum Tod des großen Philosophen Robert Spaemann. URL: <https://www.zeit.de/2018/52/robert-spaemann-philosoph-freigeist-polemiker-tod-nachruf> (дата доступа: 12.02.2019).
- Minelli L. A. (2006). Der gedankenlose Philosoph: Wie christliches Denken ständig neues Elend gebiert // Aufklärung und Kritik. № 2. S. 51–62.
- Schweidler W., Fritz S. (2018). Zum Tod des Philosophen Robert Spaemann: Ein katholischer Intellektueller mit ungeheurer Wirkung. URL: https://www.deutschlandfunk.de/zum-tod-des-philosophen-robert-spaemann-ein-katholischer.886.de.html?dram:article_id=435651 (дата доступа: 12.02.2019).
- Singer P. (2013). Praktische Ethik. Stuttgart: Reclam.

- Spaemann R. (2006a). Wider die Totmacher. URL: <https://www.cicero.de/innenpolitik/wider-die-totmacher/37441> (дата доступа: 12.02.2019).
- Spaemann R. (2006b). Töten oder sterbenlassen? // Aufklärung und Kritik, Sonderheft. № 11. S. 80–88.
- Widmann A. (2018). Nachruf auf Robert Spaemann: Er gab dem Begriff «konservativ» eine neue Prägung. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/kultur/nachruf-auf-robert-spaemann-er-gab-dem-begriff-konservativ--eine-neue-praegung--31729660> (дата доступа: 12.02.2019).

The Philosopher Robert Spaemann and His Public Positions

Vladimir Mironov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Member-Correspondent of the Russian Academy of Sciences
Dean, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
Address: Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, Russian Federation 119991
E-mail: vlamironov@yandex.ru

Dagmar Mironowa

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
Address: Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, Russian Federation 119991
E-mail: dagmar@mail.ru

The article is written with the death of German philosopher Robert Spaemann in mind and is a kind of philosophical obituary summing up some of the results of the philosopher's life relating to his position as a citizen. In Germany, his philosophy was attributed to the so-called Ritter School, although his views were strongly influenced by H.-G. Gadamer, whom he followed while working at the University of Heidelberg. Many of his works were created at the intersection of ethics and political philosophy. Here, one of his favorite themes was human dignity, which was primarily related to the fact that man belongs to the human race and this determines the basic values of existence. Hence, his attitude towards the value of life itself and his negative attitude towards suicide as a conscious withdrawal from life or euthanasia are found. In recent years, before his death, he had been engaged in philosophical analysis and the criticism of the new system of European values which was detached from the peculiarities of national, primarily religious, values. In this regard, he criticized political power for not relying on moral principles.

Keywords: Robert Spaemann, man, life, natural death, euthanasia, religion, multiculturalism, Europe

References

- Bahners P. (2018) Individualist aus dem Unterholz. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/individualist-aus-dem-unterholz-zum-tode-des-philosophen-robert-spaemann-15936731.html> (accessed 12 February 2019).
- Camman A. (2012) Philosoph Robert Spaemann: «Ich war ein Chaot» // Die Zeit. № 19. Available at: <https://www.zeit.de/2012/19/Philosoph-Spaemann> (accessed 12 February 2019).
- Die Pariser Erklärung: Ein Europa, wo(ran) wir glauben können. 07. Oktober 2017. Available at: <https://thetrueeurope.eu/die-pariser-erklarung/> (accessed 12 February 2019).

- Dotzauer G. (2018) Die Taube in der Hand Gottesglaube als Denkvorteil: zum Tod des Philosophen Robert Spaemann. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/nachruf-robert-spaemann-die-taube-in-der-hand/23747718.html> (accessed 12 February 2019).
- Drobinski M. (2018) Zum Tod von Robert Spaemann: Einer, der sich der Welt nicht anpasste. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/robert-spaemann-nachruf-philosoph-1.4248388> (accessed 12 February 2019).
- Kaube J. (2017) Das Beste haben wir nicht selbst gemacht. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/geisteswissenschaften/philosoph-robert-spaemann-wird-neunzig-15000473.html> (accessed 12 February 2019).
- Kister S. (2012) Die Menschheit schafft sich ab: Interview mit Robert Spaemann. Available at: <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.interview-mit-robert-spaemann-die-menschheit-schafft-sich-ab.c1da03af-5f81-420c-98fo-a771412f494e.html> (accessed 12 February 2019).
- Leggewie C. (1987) *Der Geist steht rechts: Ausflüge in die Denkfabriken der Wende*, Berlin: Rotbuch.
- Lübbe H. (2005) Pravo ostavat'sja inym. K filosofii regionalizma. [The Right to Remain Different. Toward the Philosophy of Regionalism]. *Politicheskaja filosofija v Germanii* [Political Philosophy in Germany], Moscow: Sovremennye tetradi, pp. 53–61.
- Lübbe H. (2005) Chto takoe narod? Novaja aktual'nost' prava na samoopredelenie (iz knigi "Proshhanie s supergosudarstvom") [What are the People? The New Relevance of the Right to Self-Determination (from the book "Farewell to the Superstate")]. *Politicheskaja filosofija v Germanii* [Political Philosophy in Germany], Moscow: Sovremennye tetradi, pp. 102–109.
- Mangold I. (2018) Zum Tod des großen Philosophen Robert Spaemann. Available at: <https://www.zeit.de/2018/52/robert-spaemann-philosoph-freigeist-polemiker-tod-nachruf> (accessed 12 February 2019).
- Minelli L. A. (2006) Der gedankenlose Philosoph: Wie christliches Denken ständig neues Elend gebiert. *Aufklärung und Kritik*, no 2, pp. 51–62.
- Mironov V., Mironowa D. (2017) Mul'tikul'turalizm: tolerantnost' ili priznanie [Multiculturalism: Tolerance or Acceptation?]. *Voprosy filosofii*, no 6, pp. 16–28.
- Mironov V., Mironowa D. (2018) Dobrodetel'nyj terror ili kto opredeljaet granicy svobody slova (razmyshljaja nad knigami Tilo Sarrayin) [Virtuous Terror, or Who Defines the Boundaries of Freedom of Speech (Reflecting on the Works of Thilo Sarrayin)]. *Ethical Thought*, vol. 18, no 2, pp. 99–115.
- Schweidler W., Fritz S. (2018) Zum Tod des Philosophen Robert Spaemann: Ein katholischer Intellektueller mit ungeheurer Wirkung. Available at: https://www.deutschlandfunk.de/zum-tod-des-philosophen-robert-spaemann-ein-katholischer.886.de.html?dram:article_id=435651 (accessed 12 February 2019).
- Singer P. (2013) *Praktische Ethik*, Stuttgart: Reclam.
- Spaemann R. (1993) Javlajutsja li "estestvenno" i "neestestvenno" moral'no relevantnymi ponjatijami? [Are "Natural" and "Unnatural" Morally Relevant Concepts?]. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no 4, pp. 75–85.
- Spaemann R. (2006) Wider die Totmacher. Available at: <https://www.cicero.de/innenpolitik/wider-die-totmacher/37441> (accessed 12 February 2019).
- Spaemann R. (2006) Töten oder sterbenlassen? *Aufklärung und Kritik*, no 11, pp. 80–88.
- Widmann A. (2018) Nachruf auf Robert Spaemann: Er gab dem Begriff "konservativ" eine neue Prägung. Available at: <https://www.berliner-zeitung.de/kultur/nachruf-auf-robert-spaemann-er-gab-dem-begriff--konservativ--eine-neue-praegung--31729660> (accessed 12 February 2019).